

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Эти воспоминания — лишь беглые наброски о том, как, идя с Румынского фронта, один из многочисленных отрядов будущей Рабоче-Крестьянской Красной Армии на ходу, в боях с врагами рождался и закалялся. Он терпел поражения, хоронил своих лучших бойцов и командиров, самоотверженно продолжая путь на север, к братьям, которые свергли капитал и отстаивали завоевания великого Октября. Он твердо верил в то, что, несмотря на частичные поражения, армия рабочих и крестьян, могучая и непобедимая, идет к конечным победам.

* * *

Я никогда военным человеком не был, да и ничего раньше в военном деле не понимал.

Начал я свою «карьеру» с того, что организовал два-три десятка храбрецов и на грузовике преследовал румын у Кишинева.

Я думал, что ежели бы мы кроме нескольких эскадронов крепкой конницы располагали и пехотой, то румыны не так скоро захватили бы Бессарабию.

Итак, начал я с командирства над грузовиками, с тем чтобы потом, будучи вынужденным вместе с другими большевиками отойти из Бессарабии на Днестр, начать организацию красных отрядов. Так же как и небольшая группа моих товарищей, я занимался организацией, мобилизацией и прочими вещами, готовя сборные, сводные полки, батальоны и батареи. За основу бралось имущество какой-нибудь царской части, отправившейся домой, намечался командир, и береговое приднестровское крестьянство поднималось против румын, помещиков.

Но это не все, что мне приходилось делать в Тирасполе — центре Тираспольского отряда, или, как называли его, «Особой армии по борьбе с румынской олигархией». Мне пришлось также командовать... китайским батальоном...

Я думаю, что это был первый китайский батальон в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Создался он так. Тирасполь лежит в низине на берегу Днестра. Полтора месяца пребывания в Тирасполе мы чувствовали себя на положении обреченных: непрерывный огонь румынских батарей, разгром одного штабного домика за другим, потеря изо дня в день

новых товарищей... Положение наше затруднялось также отсутствием какой бы то ни было связи с центром. Но это же обстоятельство укрепляло выдержку в среде небольшой группы товарищей, взявшихся за организацию красных полков.

Нашей опорой, вокруг которой мы формировали новые части, был славный 5-й конный Заамурский полк. Полк этот целиком остался от старой армии, остался без единого офицера-заамурца (они все сбежали) и проявил себя потом как прекрасная единоклубная красная часть. Все заамурцы называли себя большевиками, и большинство из них позже действительно стали большевиками.

Итак, был у нас 5-й Заамурский полк под командой Кокарева, отряд Котовского (тоже конный), несколько бессарабских батарей и наши формирования — 1-й Бессарабский приднестровский полк, 2-й полк и т. д.

Настроение было воинственное. Братва ненавидела румынских оккупантов, ибо по ту сторону Днестра видны были родные поля, где не так давно крестьянин вдохнул свободу, поделил, было, помещичью землю и где помещик сейчас с помощью румын мстил за это зверски... Одни заамурцы были издавека, но и они держались крепко, не расходились.

Людей вообще было немного, и воевать было трудно. Мимо нас ежедневно на всяких поездах, паровозах, лошадях, казенных и крестьянских, многими десятками и сотнями тысяч уезжали они на север, оставляя Румынский фронт.

Мужик не хотел воевать, не мог. Он устал... Наши митинги и уговоры на станциях не давали никаких положительных результатов — только одиночки из тысяч оставались с нами.

Крестьянство херсонского берега также не удавалось поднять всерьез на массовое движение. Приходилось довольствоваться своими земляками-бессарабцами, не имевшими дома, ненавидевшими оккупантов-румын и своих помещиков. Лишь в середине февраля Одесса понемногу начала раскачиваться и присылать отдельные отряды, но эти отряды своей неорганизованностью и отсутствием дисциплины превзошли наши самые худшие ожидания.

У нас был военный совет, в состав которого входило по одному представителю от роты, эскадрона, батареи и отдельной части. Этот совет вершил дела, имея свой президиум, секретарями которого были Ваня Рожков и я. Кроме этого, совет имел штаб и командующего.

Командовал у нас тов. Венедиктов (позже погиб на

Дону). Был у нас генкварм* (тов. Левензон), дегенарм** (тов. Гарькавый) и всякие прочие «армы». Сейчас уже не вспомнишь точно. Был и свой суд, который возглавлялся тов. Меерсоном.

Все эти основные роли находились в руках у крепких ребят — большевиков (некоторые из них оформили свое вступление в партию несколькими месяцами позже, когда мы выбрались в Советскую Россию).

Тяжело, откровенно говоря, было командовать. Соберется это человек 150 в военном совете... Всяк по-своему — и ничего не разберешь.

Мне вспоминается, как приехал к нам главнокомандующим Муравьев. Все были довольны. Наконец-то начальство, руководство, определенные перспективы... Собрали совет. Муравьев хорошо говорил, большой был демагог (предателем он сделался позже)... Ударил он себя кулаком в грудь, да как набросится на нас: «Моя доблестная первая армия, — говорит, — мрет под Рыбницей, а вы, предатели, не наступайте на Бендеры...»

Никто, нужно сказать, нам и не приказывал наступать. Мы два раза сами пробовали. Удачно (правда, с большими потерями) перебрались через реку, и не только перебрались, но и гнали регулярную румынскую армию верст 30—40. А потом выдохались и отходили.

Однако речь Муравьева разжалобила. Некоторые дядьки даже заплакали: «Как же это, мрет первая, а мы вот как...» Ну, и пошли в третий раз. Пошли, хорошо дрались, много потеряли и... опять отошли. Не успели очнуться — приказ от главнокомандующего: «Грузитесь срочно всей армией и отходите через Одессу на север, немцы вам в тыл вышли».

Вот это была новость, неожиданность! Какие немцы, откуда они, что им здесь надо? Однако начали грузиться. Грузиться было нелегко — не хотят дядьки ехать. Немца не видно, а хату и румына видно. Вот они тут — злой враг и теплая хата... Не могли понять крестьяне, как это можно бросать свое поле и куда-то уходить.

Однако почти всех уговорили. Не поехала только одна батарея. Так и осталась с четырьмя пушками на берегу Дне-

* Сокращенное наименование должности генерал-квартирмейстера (начальника оперативного управления) в штабах армий и фронтов старой армии.— *Ред.*

** Сокращенное наименование должности дежурного генерала. Эта должность имела в полевом штабе армии, главном и окружных штабах и в полевом штабе главнокомандующего и являлась постоянной. Дежурный генерал ведал инспекторской (по личному составу), хозяйственной, санитарной, военно-судной частями управления и делопроизводством.— *Ред.*

стра продолжать войну с румынами, отбивать свою землю. Уж как мы их ни уговаривали — никак не могли убедить... Что было дальше с этой, по-своему крепкой, батареей, когда ей в тыл зашли австро-германские корпуса, а с фронта нажали румыны, — не знаю. Думаю, разошлись... А может быть, по своей крепколюбости и драться со всеми стали.

* *

*

Было это в одну из очень тяжелых ночей. Я был дежурным по отряду, лежал на соломе в хате. То и дело подымал меня с соломы телефон: звонили то с одной заставы, то с другой. Кто по делу — «Разведка румын показалась», а кто и без толку, просто так — скучно в ночи слушать редкий снаряд, очередь пулеметную. Замотался я до последнего... Да и кто не замотался в эти первые месяцы тяжелого года?

Ночь на фронте прошла спокойно. Под утро меня разбудили в сотый раз. Продрал глаза — передо мной китаец, одетый в какую-то синюю кофту. Произносит одно слово:

- Васики. Я, мой, Васики.
- Что тебе? — спрашиваю.
- Китайси надо?
- Какие тебе китайцы?..

Он все твердит свое:

- Китайси надо?

Так я его и не понял. Не понял его и наш дегенарм (слово это все произносили, но никто его не понимал).

Часа через два тот же китаец вошел в штаб и знаками предложил нам выйти во двор. Вышли и поняли: во дворе в строю стояло человек 450 китайцев. По окрику «Васики» они подтянулись. Оказалось, что румыны по подозрению в шпионаже расстреляли трех китайцев. Китайцы, работавшие в тылу фронта на лесной порубке, озлились на румын и пришли к нам.

Голые они были, голодные. Ужасную картину представляли собой.

Людей у нас было мало, оружия много, все равно не вывезешь, придется оставлять... Ну, и решили — чем не солдаты? (И будущее показало, что прекрасные солдаты были.) Обули, одели, вооружили. Смотришь — не батальон, а игрушка.

Вот меня и назначили командовать этим батальоном. Направили нас на оборону старой Тираспольской крепости.

Сподручными у меня были — знакомец «Васика» и еще один китаец, Сен Фу-ян, именовавший себя капитаном китайской службы. Хороший был солдат. Он-то, собственно, и

командовал, а я так — «осуществлял верховное руководство». Сначала китайцы меня не понимали, я их тоже не понимал, и договориться было трудно. Станешь «Васике» толковать (он был переводчиком, ибо лучше других объяснялся... жеста-ми), и получается форменная комедия.

Как полагается вообще умным воякам, мы, получив распоряжение занять крепость, двинулись туда в колонне, впереди которой на заамурских лошадях (с большую собаку каждая; злые, но умные лошади) ехал я, Сен Фу-ян и «Васика». Дорога в крепость местами шла по совершенно открытому месту, и румыны нас тщательно обстреливали. Тогда подавалась гортанная команда — и народ по-своему очень недурно применялся к местности...

Итак, первым умным делом, совершенным батальоном под моим руководством с помощью китайского «капитана», было движение в колонне под огнем по ничем не защищенной местности.

Второе — в крепости мы расквартировали свой штаб в пироксилиновом погребе с многоаршинными стенами (позже принуждены были выбраться, ибо ни один телефонист не желал тянуть туда провода). Нужно, правда, отметить, что все строения были сожжены.

Скоро мы освоились в крепости, стали привыкать. Наше расположение было очень неудобно: мы внизу, румыны выше. Мы на виду: чуть кого заметят, одиночку или группу, — сейчас огонь.

Посты наши стояли над берегом. Проверять я их довольно часто. Поедешь как-нибудь без «Васики», лошадь сдашь кому-нибудь на заставе, а сам пойдешь пешком. Ну, и беды не оберешься. Пробираешься с трудом. Часовой не узнает. Сперва наведет на тебя винтовку и орет благим матом: «Не хади»; потом узнает и расплывется: «Капитана, хади»... Осмотришь все, устанешь, возвращаешься к коню... Опять та же история: «Не хади», опять винтовка на изготовке — того и гляди пальнет... Хоть я был и «капитана», а трудно приходилось на первых порах.

Потом привыкали. Каждый знал, без хвастовства скажу — любил. Но забот с ними было много.

Простояли мы до самого муравьевского приказа. Отходили в арьергарде... Штаб, артиллерию и еще не помню что — в эшелонах двинули, а нас походиком. Мы прикрывали. Хорошо прикрывали. Китаец стоек, ничего не боится. Смерти не боится. Брата родного убьют в бою, а он и глазом не моргнет: подойдет, глаза ему прикроет — и все тут. Сядет возле трупа, в фуражке патроны, и будет спокойно выпускать патрон за патроном. Если знает китаец, что против него враг

(а наш тираспольский китаец знал это — много над ним румыны издевались), то плохо придется этому врагу. Китаец будет драться до последнего...

Я не помню, как называлась та маленькая станция не доходя Одессы, где мы встретились с немцами. Немцев было много, и они побили нас. Но дрались мы хорошо... Много потеряли, но на нужное время задержали противника...

Мы отошли и подсчитывали раненых, потери убитыми и в пулеметах. Убитых было много. Не досчитались и одного пулемета...

Через 12 верст, на отдыхе, ночью, наши пулеметчики притащили пулемет... Начальник пулемета был тяжело ранен. Двое других приволокли его и пулемет — не бросили...

В то время это было сильно... Тут, рядом, старые царские полки целые склады оставляли. Пулемет чуть не пятерку стоил, а то и дешевле. Пушку можно было достать за те же деньги. А они и товарища раненого, и оружия своего не бросили...

После этого дела батальон еще крепче стал. Сошлись мы с ними, сроднились...

Неприятность только одна получилась. Жалованья они по 50 рублей получали и на жалованье очень серьезно смотрели. Жизнь легко отдавали, а плати вовремя и корми хорошо. Так вот, приходят раз ко мне уполномоченные и говорят, что их «нанималось» 530 человек, и, значит, за всех я должен платить. Деньги, причитавшиеся убитым, они между собой поделят. (А в этом бою мы, пожалуй, человек 80 потеряли).

Долго я с ними толковал, убеждал, что неладно это, не по-нашему. Все же они свое получили. Другой довод привели: нам, говорят, в Китай семьям убитых посылать надо.

Пришлось первые месяцы платить, только потом отучили.

Много хорошего было у нас с ними в долгом многострадальном пути через всю Украину, весь Дон, на Воронежскую губернию. Большинство их героически погибло, но об этом после...

* * *

*

Я почти ничего не сказал об основе отряда. О тех, благодаря которым уже тогда, в январе 1918 года, удалось сколотить довольно крепкий кулак тысяч в пятнадцать. И не только сколотить, но и сохранить в значительной своей части на протяжении всей дальнейшей гражданской войны.

Заамурцы. На Румынском фронте было несколько конных заамурских полков. Мне довелось близко знать 5-й и 6-й конные полки. 5-й был нашей твердокаменной основой,

Еще в Бессарабии 5-й конный полк был единственной твердой опорой большевиков. В один прекрасный день из него тайком ушли все офицеры, но полк от этого не только не распался, а крепко спаялся. Во главе сотен у него стояли старые унтера, то же было и в полку. Все они были наши, мужицкие командиры, которые позже выработались в прекрасных коммунаров, и многие — пожалуй, почти все — погибли в боях за рабоче-крестьянское дело. Из 30—40 командиров я знаю только двоих живых: Кокарева (да и тот дырявый — две пули прошли через легкое, возле сердца, искалечили человека, все болеет) да Медведева — пулеметчика, начальника команды, потом командира полка, бригады. Он и сейчас хорош, хоть и перебита рука.

Политические же организаторы этого славного полка погибли все. Погиб комиссар Ваня Рожков, храбрый, крепкий большевик. Погиб, когда вырос в большого, хорошего работника, уже под конец гражданской войны, под Мелитополем. Ногу снаряд оторвал, врача не приключилось вблизи, ну — и погиб.. Последнее время Ваня Рожков командовал уже 2-й Блиновской дивизией, а до этого времени был политработником — комиссаром.

Погиб Милешин, секретарь нашего большевистского коллектива. Умней всех нас был и, как большевик, постарше. Очень мы его любили. Его зарубили казаки-красновцы.

Погибли Гуровой, помощник командира, Гожий... многие погибли. Не перечтешь добрых боевых товарищей, один за другим подымавшихся со взвода на эскадрон, с эскадрона на должность командира полка. Все они честно сражались за революцию и отдали ей свою жизнь.

* *
*

Еще один эпизод, ярко рисующий состояние части нашего отряда.

Наряду с очень большой подчас боеспособностью вольница и анархия царили в первые месяцы жизни наших частей. Поле для провокации было самое благодатное.

После боя, о котором я писал, с большим сильным отрядом я прибыл в штаб отряда, оставив свой батальон в нескольких верстах в деревне на отдыхе. Доложил я в штабе, как было дело. Забрался в вагон и не заметил, как уснул.

Разбудил меня какой-то говор, шум... Позже я не раз слышал этот шум, создающийся из перебойных выкриков, шум, производимый недовольной, спровоцированной толпой... Дело было просто: бессарабцам и приднестровцам неясно было,

куда они уходят, неясно было, почему они прекращают борьбу за свои деревни...

Я вышел на пути и увидел большую злобную толпу приднестровцев, подогревавшуюся с трибуны провокатором комбатом Черновым:

— И куда это, товарищи, мы идем, и как это нас обманули и оторвали от берегов наших? Кто это, товарищи, и за сколько они нас продали? Звесно хто: нас продал штаб, и идти нам надо спросить, за сколько продал, спросить нашими лóббыми штыками!

Тогда я мало соображал, как в таких случаях нужно поступать. Видел опасность делу, видел провокацию, был молод и горяч, пробрался к трибуне, вскочил на нее и, когда он окончил, я начал свое.

Смысл моих слов: «Да, верно, продают нас, но продает не штаб, который ведет нас от опасности, который ведет на организацию красных полков, на то, чтобы неизбежно потом бить врагов наших, а продают Черновы. Служат Черновы эти, сознательно или несознательно, помещику, румыну и немцу, разбивают наше единство, нашу силу...» Говорил, помнится, уверенно и горячо.

Подействовало. Только что все ревели: «Правильно... Пойдем штыками спросим», одобряли Чернова, а после моей речи кричали опять, одобряли уже меня. Разошлись в хорошем настроении.

Все как бы успокоилось. Но вот вызвал меня кто-то из Одессы к телеграфу по делу... Телеграф был далеко от вагонов, с версту... Не успел я окончить разговор, как распахнулась дверь... Показался Чернов, а за ним взвод, человек тридцать... Он только рукой ткнул:

— Вот он, взять его, «шпиона».

Я и слова не успел выговорить: схватили — и на улицу...

Ведут меня по путям. Смертельным боем бьют. Не только те, что ведут, а и те, что сотнями по путям слоняются. Подойдет, развернется справа да как двинет — клонишься в сторону, падаешь, а другой — слева. Так и припадаешь то на одну, то на другую сторону, а конвойные помогают прикладами. Припадешь от удара, а приклад как ухнет в спину, все в тебе ломается, а идешь...

Били. Кто рукой, кто прикладом. Вели на расстрел. И все довольны были.

— Вот он когда попался, голубчик, шпион!

Был у нас рабочий, большевик. Годунов. Исакием его звали (расстреляли его немцы в Екатеринославе). Он, как увидел, что ведут меня, бросился вперед, стал кричать:

— Товарищи! Кого же вы, своего же, да еще такого?!

Не подействовало. «Смазали» его прикладом, он и сошел с дороги. Сзади только слышался его крик.

Потом кинулся один командир спасать меня, Шмидт, крепкий большевик. Любили они его сильно, но и он ничего не мог сделать... Не так просто отнять у толпы человека, которого она хочет убить... Особенно трудно это было в феврале 1918 года.

И все же отняли. И довольно просто.

Вели меня мимо вагонов... Стоял там наш генкварм Левензон, а рядом с ним командир полка Харченко. Хорошие ребята. Сделали вид, что не узнают меня:

— Кого это вы, товарищи?

— Шпиона.

— Куда?

— На расстрел.

— Как же это так, на расстрел без допроса? Его допросить серьезно надо.

— Верно! Правильно! — загудел мой конвой.

Я не все понимал. Ввели в вагон и стали допрашивать. Только потом я понял, что спасли.

Вышел командир, сказал, что дело серьезное, так в минутку кончать нельзя, из «шпиона» все надо высосать. И толпа разошлась.

Только тогда они комедию допроса бросили и — к Чернову:

— Как же это ты, скотина?

А он трус был. Когда за ним батальон, да разжечь его сумеет — герой, а в одиночку был труслив, предатель...

Так оно и обошлось...

Осип я от побоев. Долго грудь ныла. Два дня, пожалуй, пролежал...

Этот случай нехорошо и тяжело подействовал на некоторых. Не были они еще настоящими большевиками. «Как же это так, — говорили, — за «них» же страдаешь, от них же и побои терпи, смерть». Я, хотя и битый, понимал тогда, что мы идем к крепкой Красной Армии, что этот путь не гладкая дорожка, знал, что нам встретится еще немало опасностей и преград, которые нужно преодолеть. Так было везде, так было и у нас, с нашими приднестровцами.

* *
*

Мы подошли к Одессе. У нас был приказ от главнокомандующего Муравьева. Смысл его был таков:

«В тыл нам зашли немцы. В Киеве бой с украинской Радой. Связь с центром революции, Питером, утеряна. Приказы-

ваю доблестной Особой армии погрузиться в эшелоны и двинуться на Одессу — заставу, Вознесенск и далее на север. Всю артиллерию иметь погруженной на платформах в годном к бою состоянии. При проходе мимо Одессы из всей имеющейся артиллерии открыть огонь по буржуазной и аристократической части города, разрушив таковую и поддержав в этом деле наш доблестный, героический флот. Нерушимым оставить один прекрасный дворец пролетарского городского театра. Я в таком-то часу, такого-то дня отбуду из Одессы в Николаев. Муравьев».

У нас на плечах была голова, и мы прекрасно понимали, что это не борьба, что рядом с буржуем в подвале и на чердаках живет рабочий и бедняк... И понятно, что не только стрелять мы не собирались, но решили во что бы то ни стало помешать этому неправильному делу.

К Одессе в это время подходили походом замурцы. Мы отправили к Муравьеву делегацию. Долго она с ним спорила. Требовала отмены приказа, особенно флоту. Мы-то и так не выполнили бы его. Спорила и добилась своего. Приказ Муравьев отменил, но делегатов наших увез. Без звонка, без свистка тихо снялся поезд и пошел на Николаев.

Расстрелял бы он, я думаю, этих дерзких делегатов, сознательных солдат революции, если бы они ему не доказали, что если они не вернутся — погибнуть армии. Никто не передаст ей приказа двигаться дальше, и немцы застигнут.

Остановил Муравьев на полустанке курьерский салонный поезд и отпустил наших делегатов, а они на лошадях, на дрезине добрались до нас.

Может быть, никому и неизвестно было, как мы спасли город Одессу от напрасного разрушения, от ненужных потерь...

* *
*

Дальше пошли мы на Березовку — Колосовку — Вознесенск.

На станциях грузили снаряды, сахар, хлеб и отправляли в далекий центр. Тогда уже понимали, что голодать там будут, что снаряды все при фронтах погибнут. Упорно грузили. Чуть тихая минутка — грузили и отправляли, специальных комендантов и заведующих погрузкой завели. Много отправили.

Встречали мы отряды разные. Дикие отряды. Они грабили, насильничали... Боролись мы с ними.

Подошли мы к Березовке, а немцы другими путями идут

нам наперерез. Мы с юга на северо-восток, а они с запада на восток. Мы идем, а они нам тылы режут.

Так пришли мы в Березовку. А в Колосовке (верст 10 от Березовки) немцы, и много. Расположились довольно спокойно и не знали, видимо, что мы тут, рядом.

Решили эшелоны продвигать, а сами ударить на них ночью. Собрали все, что возле штаба было, и моих китайцев в том числе, и решили ночью напасть.

Двинулись. Хотя и 10 верст, да ночь, и местность неизвестная.

Чуть шумели шаги. И слабо тарахтели пулеметные тележки. Пулеметы везли прямо на руках.

Долго шли, дыхание затаили, чтобы внезапно настичь. Разведка, шедшая впереди, донесла, что впереди горят костры и стоят эшелоны.

Немцы уже раньше считали, что серьезно воевать не с кем. Даже охранения всерьез не было...

Когда мы подошли вплотную к немецкому расположению, увидели костры. Усталые от больших переходов немцы спали. Установили пулеметы.

Вдруг из тыла по цепи пришло распоряжение — бесшумно отходить. Обидно было донельзя... Ведь тут рядом враг, враг, который топчет украинские поля, сажает на старое место помещика...

Однако свернулись в два счета, только зубами пощелкали, и быстро, местами бегом, стали отходить на Березовку.

Уже серело. Наступал рассвет. Снова стали видны не только фигуры, но и лица товарищей, утомленных бессонницей и ночным переходом.

Едва успели прийти на опустевшую станцию и сесть, уже под огнем немцев, преследовавших нас, в последний эшелон...

Теперь над этим случаем посмеяться можно. Если бы позже, например на польском фронте, мы получили такой приказ, то, конечно, выполнили бы его только после того, как уничтожили бы врага. А тогда не было еще знания, умения, решимости. Вернулись ни с чем.

Сохранилась у меня в памяти еще встреча с бронепоездом.

Все люди на поезде носили матросские фуражки с георгиевскими лентами и с какой-то странной надписью на них.

Отчаянный был поезд. По чьим-то распоряжениям он рвал пути и мосты, по которым должны были проходить немцы. И все выходило так, что, как только наши эшелоны возьмут со станции путевку, он по пути нашего движения дорогу взо-

рвет, а мы должны восстанавливать, отбиваться от наседавших немцев и замедленно передвигаться в поисках мостов.

Озлились мы на него сильно. Не один эшелон из-за этой «работы» бросить пришлось.

Встретились мы с бронепоездом на станции, и чуть было между своими боя не вышло. И не потому только, что он нам пути портил, а и потому, что командир его вдруг на одного нашего товарища, по национальности еврея, накинулся с грубым криком. Темный был человек... Хорошо, что мы за голову взялись и не стали из-за его глупости со своими драться.

Двигались мы, дрались, с родными своими отрядами встречались...

Встретились мы раз с полком, Ставропольским, кажется, назывался. Ночью замурцы стрельбу услышали и на нее пошли... Было это в районе станции Долинской. Бой идет, винтовки залпами кроют, а кто с кем бьется — разобрать нельзя.

Под утро только разобрались, в чем дело. Оказалось, целый полк с фронта домой шел. В порядке шел. Знамя боевое несли. Полковник вел — хороший командир. Домой шли. Думали, чудаки, дойти до первого русского города, там по всем правилам расформироваться и — по домам. Ну, а по дороге им то и дело приходилось сталкиваться то с немцами, то с бандитами.

На этот раз у немцев отрядишко был небольшой и только нахальством брал, знал, что не было у нас в то время крепких, сколоченных полков. Ставропольский полк, однако, хорошо дрался, и сам, пожалуй, отбил бы. Ну, а с помощью замурцев и совсем легко справился.

Побили немцев вместе. Потом познакомились и шли уже вместе до конца.

Так мы добрались до Екатеринослава.

Китайцы мои все таяли... Многих теряли, но по дороге набирали новых. Приводили опять раздетых и — в строй.

Зима была лютая, когда мы подошли к Екатеринославу. Замурцев на их лошаденках прямо-таки заносило снегом.

Пришли к Екатеринославу, а там тоже война. Воюют большевики с анархистами. Стрельба в городе по всем улицам, половина домов продырявлена... Где восстание, где просто драка, а немцы не отстают, насаждают.

Откровенно скажу, не понимали мы тогда всей этой обстановки, не уясняли себе: идет война с немцами или нет. Ежели идет, так почему мы одни деремся, а армии, фронта настоящего не видать? Сами мало видели, мало разбирались в деле и обижались на центр. Не помогал нам штаб подкреплением, все нам самим приходилось драться вдоль железной дороги. Ежели присылали какой-нибудь отряд из губернского

или уездного города — не воевал он долго. Или побьют его, или сам уедет...

Вот мы и решили отправить в Харьков к Антонову, главнокомандующему тогдашнему, делегацию. Делегация наша потребовала ответа: воюем или нет? Ежели воюем, так где армия? И сообщила, что все вконец из сил выбились, особенно замурцы, ставропольцы и остальные, оставшиеся воевать от царских полков. Делегация заявила, что нам нужен отдых, резерв...

Антонов пояснил, что сейчас и не может быть никакого отдыха, что надо драться... Но потом учел, видно, что может пропасть хорошая, крепкая часть, и отдал приказ отправить на отдых в Мариуполь.

Поехали наши. А мне и нескольким другим товарищам приказано было остаться и из разных отрядов сколотить армию. Назвали ее, кажется, третьей.

Ну, мы и остались.

Много было отрядов, годных лишь до первого боя. Был, например, отряд — «четвертым мариупольским» звался, вооружен был до зубов, а в первом же бою побросал все оружие и отступил. Только его и видели.

Екатеринослав немцы заняли. А мы мосты обороняли... От нашего отряда оставили летучий бронепоезд, одну пушку, пулеметов пару...

Тут у меня обрываются воспоминания так же, как тогда оборвалось сознание. Шарахнул меня на мосту тяжелый снаряд. Шарахнул — и вывел из строя.

В санитарный поезд сдали. Хорошо, что в поезде порядок был, врач хороший и сестер двое. Они и отходили, а то обязательно помер бы.

Неделю лежал я в поезде. Сначала ничего не понимал, потом очнулся.

Когда санитарный поезд проходил через Луганск, где отряд наш стоял, пришли ко мне товарищи, пришли и батальонцы-китайцы... Охали они. Врач им, как я потом узнал, сказал, что дело мое безнадежно. Они попрощались со мной, забрали мои сапоги и все вещи, решив, что больше они мне не нужны.

Поезд дальше двинулся... Где он только не был! Был и в Рузаевке, и в Пензе, и во многих других пунктах, но нигде раненых и больных не принимали — всюду отвечали, что полно. Он и бродил по путям, сбрасывая то здесь, то там покойников, пока не повернули его на Москву... До станции Арапово (часов пятнадцать езды от Москвы) допустили, а там — стоп, ни вперед, ни назад. Там мы и простояли недели две, а то и больше.

Я только весной всерьез стал поправляться. В поезде я, наверное, умер бы, если бы не сестра. Жалко ей меня стало — выходила.

На Рузаевке впервые вышел я на солнышко погреться... На станции стояли эшелоны, украшенные зеленью и цветными бумажками. Эшелоны чехословаков. Вызывающе, нахально они вели себя. Паровозы захватывали, на станции распоряжались, свою администрацию назначали. У них было много эшелонов с имуществом и оружием. Потом они выступили там против Советов. Хорошо, что наш поезд ушел не на восток, а в Москву.

На станции Арапово нас всерьез задержали. Много товарищей мы там с поезда мертвыми сняли. А в других условиях они могли бы выжить... Да что поделаешь? Время было тяжелое. Порядка еще не было...

На этой станции я поправился так, что, хотя и с трудом, на своих ногах в Москву решил пробраться. Проводила меня команда, сестру в помощь до Москвы дали, и поехал.

В Москве, говорили, наши украинские эшелоны стоят. Пошел я их искать. На путях случайно наткнулся на наш штабной вагон. Узнал его по приметам... Проводник знакомый страшную историю рассказал. «Разбили,— говорит,— отряд наш до последнего человека, остатки небольшие пришли в Калач... Воронежским поезжай — там подробно узнаешь».

С трудом я в вагон забрался и поехал Калач искать. Смеялись надо мной, инвалидом: «Куда это ты, калечь, при полном оружии собрался?..»

Долго ехали, несколько дней. Добрался до станции Таловой, там своего коменданта встретил, и он меня в Калач направил.

Нашел я там наших, да не всех. Большинство погибло — казаки поубивали. И в том числе почти всех моих китайцев. Во время гражданской войны, если казак ловил китайца — обязательно убивал, да еще и издевался...

В Калаче я узнал подробности. В Луганск наших из Мариуполя перебросили. Постояли они там, а немец тут как тут. Много в Луганске отрядов было, и пошли они двумя дорогами. Один на Царицын (Ворошилов повел их), а наши на север, в Советскую Россию, через Дон.

Прошли через Луганск на Луганскую, на Миллерово, а там прямой дорожкой по степям донским через казацкие станции на Калач — Богучар.

Тут с ними несчастье приключилось. Шли тремя колоннами, тут же и китайцы мои. Среднюю Борисевич вел, полковник, что раньше ставропольцами командовал. Справа, верстах в пятнадцати, шли заамурцы, а слева бессарабцы и все осталь-

ные. Груз по железной дороге шел. Немцы все нажимали. Народ устал, воевать не хотел, не мог. Заключен был с немцами мир...

Под нажимом немецкого кулака из Москвы отправили во все граничащие с Украиной пункты телеграммы о том, чтобы разоружать украинские отряды, проходящие через российскую границу.

Этот приказ и погубил нас. Предательски воспользовались им казаки и предложили нашей средней колонне разоружиться. Борисевич был человек дисциплинированный, отдал он распоряжение сдать оружие, а дальше двигаться так... Как только наши стали сдавать оружие, выскочили из деревни два эскадрона и стали рубить обезоруженных, остальных в плен брать. Китайцев почти всех порубили. Борисевич, было, кинулся спасать: «Как же так, по-честному уговорились, мы приказ выполнили, а вы...» Не дали и говорить, тут же его, честного солдата, к этому времени понявшего уже полностью смысл борьбы за Советы, зарубили.

Так предательски обошлись казаки с отрядом, долго дравшимся за рабочее дело. Остальные колонны не поддавались, оружия не сдали и после небольшого боя пошли на Богучар, миновав Дон...

Но этим дело не кончилось. Прислали казаки своих людей в Богучар, просят начальство выехать к ним, уладить будто какие-то недоразумения с солдатами. А сведений о гибели колонны у наших не было. Думали — спор о поставке продовольствия. Поехали. Поехал командующий Венедиктов, представитель суда Меерсон и еще кто-то. По приезде их сейчас же связали и отправили в Новочеркасск. А там повесили по военно-полевому суду как злостных большевиков. Так вторично «подковали» наших казаки станиц Вешенской, Мигулинской...

Разбитый, без командира и многих лучших товарищей, пришел отряд в Богучар — Калач и там остановился на отдых. А оттуда пошел на Воронеж через Лиски.

В Лисках такой случай был. Стояла там на узловой станции ликвидационная комиссия, ликвидировала остатки украинских армий. Ну, и нас ликвидировать хотела.

А мы, как только вышли, сейчас же все, что было способно к бою, на границах поставили: Заамурский 5-й полк на Евстратовку, три бронепоезда — на Валуйки, Алексеевку и Евстратовку, а тылы пошли в Воронеж.

Ликвидационная комиссия не пускает. Предлагает сдать деньги, оружие, имущество. Деньги и отчетность мы охотно сдали, а вот оружие никак не хотели. Никак упрямить, уговорить не могли: сдавай — да и только. Приказ такой...

И до сих пор понять трудно, почему не хотели нас пустить в Воронеж и положить в основу какому-нибудь формированию.

Выручил нас случай. Тут же на станции комиссия хотела разоружить один из отрядов Сиверса. Звался он Загаринским и командовал им Загарин. У комиссии маленькая команда и комендант, а у Загарина тысяча бойцов. Вот он и разоружил комиссию, арестовал и продержал, покуда она не разрешила ему отправиться. А мы тоже потихоньку заодно отправились на Воронеж.

Прибыли на станцию — штабной эшелон и при нем полурота китайцев (они все в эшелоне шли, потому и выжили), пара эшелонов с остатками бессарабцев и пришедшие на ремонт два бронепоезда.

Вечером в штаб наш пришли товарищи из местного Совета и стали щупать, что за народ: бандиты или свои. Хорошее, видно, впечатление произвели, потому что они нам рассказали, что в городе готовится восстание против Советов, что восстанием заворачивает Курземский латышский полк, вернее — его офицеры, что в казармах ведется бешеная агитация против большевиков, против Совета.

Спросили — как мы? Надеемся ли на своих и поддержим ли Воронежский Совет? Мы, конечно, обещали сделать все, что в наших силах. Подготовили свои «остатки»... Сгрузили и броневые машины. Пушки броневиков направили на загородный район, на казармы курземцев... Подготовили все и поехали в их штаб.

Мы подъехали к штабу Курземского полка примерно в половине двенадцатого, т. е. за полчаса до предполагавшегося восстания. Не застав там никого, мы направились в казармы. Не успел экипаж и за ним конные тронуться, как сверху была брошена бомба, не причинившая, правда, никому вреда.

Задерживаться у штаба, выяснять, кто «пошутил», не было времени, ибо можно было упустить главное... Воронежские товарищи торопили.

Уже квартала за два до казарм нам стали попадаться одиночки и группы вооруженных. Они ждали только сигнала. Казарменный двор был полон самого разношерстного народа — тут были и солдаты, и просто подозрительные типы, подбивавшие на грязное дело.

Наш начальник штаба с командиром одного из бронепоездов приехал на тачанке, а мы, человека четыре, верхами. Мы остались внизу, а начальник штаба с командиром бронепоезда поднялся наверх, в помещение, где шло собрание представителей гарнизона, приглашенных провокаторами. Собрание должно было решить, в какое именно время выступить.

Хорошо работали предатели. Оказалось, что помимо нас без нашего ведома в зале между другими «делегатами» было и по три представителя от наших частей: от бронепоездов, бронеотряда, замурцев и даже от остатка китайцев... Большое казарменное помещение гудело. Шло обсуждение вопроса о том, как произвести выступление и разгром партийной организации, ЧК и Совета. Как всегда бывает в таких случаях, намечался и еврейский погром...

Нашего возницу окружили человек двадцать с расспросами — кого привез. К нам, одетым замурцами, тоже приставали. Все мы были в зимних шинелях, с карабинами за плечами, при шашках, с заломленными папахами, на маленьких замурских лошадаках и походили на истых сибирских казаков, знавших большие и трудные переходы.

Возле казарм разъезжало несколько конных в гражданском платье. Это была какая-то местная охрана или самооборона. Один из них осторожно подъехал к нам и стал расспрашивать одного из нас, тов. Федоренко, кто мы и для чего прибыли. Товарищ Федоренко умышленно во весь голос, чтобы слышали окружающие курземцы, ответил, что мы замурцы, что прибыли после боев, после тяжелых поражений и необычайных побед...

На вопрос, знаем ли мы, что сегодня курземцы хотят бить Совет, большевиков и евреев, Федоренко залихватски приплюснул папаху и еще громче заревел, что мы сражались, помирали из-за каждого аршина советской земли и не позволим против наших рабочих и солдатских Советов выступать. Он кричал, что нас, мол, тысячи, наши полки под боком и мы всех бунтовщиков «порубаем».

Этот крик подействовал на окружающих, и они начали втихомолку судачить о том, что мы, пожалуй, можем помешать...

В это время в зале разыгрывалась такая сцена: на председательском месте молодой офицер с растрепанными волосами, в солдатской шинели, с прислоненной к столу винтовкой всячески подделывался под «народ», толкая толпу на провокацию и предательство Советской власти... Представитель Совета, губернский комиссар, несколько раз пытался выступить, образумить, удержать от преступного шага, но как только он начинал говорить, поднимался крик и нельзя было вымолвить ни слова. Нашему начальнику штаба председатель тоже не хотел дать слова: боялся, что в сомнение народ введет.

Однако пришлось дать. Наши представители, человек сорок, потребовали. Они все встали, и от их имени выступил командир бронепоезда. «Мы,— заявил он,— столько-то поез-

дов, бронепоездов, батарей, рот и эскадронов, входили в Особую армию Румынского фронта и требуем, чтобы нашему начальнику было дано слово». Прибыхнул он здорово, эскадронов и рот прикинул для устрашения...

Дали слово нашему начальнику штаба, и стал он речь держать. «Особая армия,— говорил он,— пешком с берегов Дуная пришла, с румынами, немцами, бандитами, казаками и еще с многими дралась. Дралась, дороги трупами своих солдат-товарищей усеивала. Дрались, советскую землю и Советскую власть отстаивали. Пришли измученные, истомленные наконец в Советскую Россию и что здесь находим? Находим вас, тыловики, отъевшихся, на провокацию поддавшихся и стоящих на границе непоправимого несчастья...»

В это время один наш конник вошел и нарочно, чтобы увидеть все, какая у нас дисциплина, толпу растолкал, подошел к говорившему начальнику, шпорами звякнул и рявкнул: «А нам, товарищ начальник, как прикажете, ждать?» Начальник штаба, быстро смекнув, что тот хочет подействовать на толпу, сердито бросил ему: «Внизу ведь приказал ждать». Тот повернулся на каблуках, гаркнул «слушаюсь» и, звеня шпорами, пошел вниз на улицу...

А начштаба продолжал:

«У нас,— говорит,— части тут подле казарм ваших подведены, 12 пушек с бронепоездов на казармы наведены, броневые машины по углам расставлены, кавалерия под городом. И только вы, предатели, посмеете против власти нашей что сделать, мы вас вдребезги разделаем...»

Это все сильно подействовало на собравшихся. Не удалось предателям поднять их. Загудели: «Как же это, бой-война промеж своих солдат?..» И решили не выступать.

Так мы совершенно случайно помогли воронежским товарищам предупредить восстание. Офицеров на следующий день арестовали, суду предали. Рады были воронежцы, что мы прибыли вовремя, а то бы худо было...

* * *

*

Так в 1918 г. начинала строиться организованная могучая Красная Армия. Через всякие трудности, через ряд отдельных поражений, через тысячи смертей лучших товарищей вышла Особая армия в Воронежский район. Ни румыны, ни немцы с их регулярными корпусами, ни предательство казачьих станиц на Дону не задержали движения революционно настроенных рабочих и крестьян Особой армии на север. И шли они на север не для того, чтобы разойтись по домам и зажечь мирно, а для того, чтобы все силы, всю жизнь отдать на борьбу

против помещиков и фабрикантов. С большим опытом работы по организации красных частей вышли мы, бойцы Особой армии, с Румынского фронта и из похода Румыния — Воронеж. И с неиссякаемой энергией окунулись в большую работу по формированию красных частей и созданию на юге завесы против немцев и контрреволюционных казачьих формирований. Здесь, следовательно, по существу, и было начало организации доподлинных красноармейских полков.

*«Летопись революции» (Харьков), 1928,
№ 2 (29), стр. 7—24.*